

Долгая дорога домой

Игорь Конев

Игорь Геннадьевич Конев

Долгая дорога домой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24609540

Аннотация

Дорога к себе. Дорога к вере. Дорога к Храму....

ДОЛГАЯ ДОРОГА ДОМОЙ

Говорят, большие города злы и безжалостны. Говорят, население мегаполисов настолько атомизировано, что ему совершенно нет дела до отдельно взятой его единицы, особенно, когда эта "единица" хорошо "подшофе", сидит в сугробе и курит, подставив мокрое лицо падающим с ночного неба снежинкам. Может быть, так оно и есть..., и просто надо сказать большое спасибо своему Ангелу Хранителю? Кто знает....

***

Кладбище зачистили быстро. Оно давно уже мешало напирющим кварталам стремительно растущего города, сбивая бешеный темп тихим умиротворением потустороннего мира. И если городское собрание, перед самой революцией, кладбище просто законсервировало, возведя на его территории небольшую Церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, то новая власть, окончательно получив бразды правления в свои руки, пошла более радикальным путём. Под «Смело мы в бой пойдём...», под «Марш энтузиастов» и рычание мощных бульдозеров комсомольцы, вооружённые лопатами и ломami, выворачивали кресты, крушили памятники, лихо сносили оградки..., не обращая никакого внимания на слёзы стариков, завывания женщин и разноголосые проклятия в свой адрес тех, кто, по тем или иным причи-

нам, не успел перезахоронить на новое место останки своих родственников. А большинство могил и переносить-то было некому: солдаты Первой мировой, умершие от ран в эвакуационных госпиталях Н-ска; скошенные тифом жители окрестных деревень, всходившие на погост целыми семьями; белогвардейцы, вцепившиеся в сибирскую землю в попытке сохранить хотя бы малую толику от развалин Российской Империи, да так в этой земле и оставшиеся. Некому о них было плакать, некому молиться, некому вспоминать....

Часть бывшего кладбища отвели под застройку, а на оставшейся территории со временем разбили парк, чтобы у уставших от строительства «нового» светлого будущего горожан, было место для отдыха. Насаждали молодого березняка, проложили дорожки с незатейливыми деревянными скамейками по краям, огородили место для танцев с эстрадой для духового оркестра из ближайшей воинской части....

Однако добропорядочные граждане в «парке на костях» отдыхать не захотели: жива была ещё в их памяти оставшаяся от предков традиция священной неприкосновенности сакральных мест. Добропорядочные граждане парк стороной старались обходить, чем тут же воспользовались представители различных криминальных организаций, группировок и других бандформирований, которым было глубоко наплевать, где вершить свои тёмные дела и делишки и для которых жизнь человеческая, а тем более смерть, и гроша ломанного не стоила. Да и удобно, с другой-то стороны, закапывать

жертвы жестоких междоусобных разборок, с поножовщиной и огнестрелом, тут же, что называется, не «отходя от кассы».

Шли годы, крепла новая власть, выжигая беспощадным огнём правосудия последние очаги распространения недобитых преступных элементов, и в парке стало безопасно..., но оттого не менее пустынно. Скамейки и эстрада, к тому времени, давно пошли на дрова, для жарких бандитских костров в холодные сибирские ночи, аллеи заросли бросовой зелёнкой и парк окончательно пришёл в запустение. Лишь местные алкоголики, неистребимые, как тараканы, нарушали, время от времени, торжественный покой старого кладбища чмоканием откупориваемых бутылок и треньканьем замусоленных стаканов, верша недолгую свою тризну по неудавшейся жизни под шуршание советских газет с завёрнутыми в них нехитрыми закусками.

И только тогда, когда рассеялось коммунистическое помячение, рухнули идеологические запреты и вера в Бога перестала считаться психиатрическим диагнозом, про забытый погост снова вспомнили.

***

Средних размеров дом, со стенами из бежевого «сэндвича» и крышей, покрытой гофрированным листом кирпичного цвета, стоял в глубине заброшенного парка и с улицы практически не просматривался. Укрытый от праздного любопытства прохожих высоким, но уже кое-где покосившим-

ся деревянным забором, да буйной растительностью различного толка, дом словно говорил всем своим видом: «Я в вашу жизнь не вмешиваюсь, ну так и вы мне без надобности не досаждайте». О том, что это не обычное строение, а какая-никакая, но Церковь, обитель Духа Святого, можно было догадаться лишь по двум маковкам с крестами, которые устремлялись в небо с покато́й кровли и празднично золотились в солнечную погоду своими округлыми боками.

Под стать церквушке был и настоятель: невысокий, полноватый, начинающий лысеть священник, с редкой, неухоженной бородкой и тихим, невыразительным голосом. Службы вёл неразборчиво, проповеди читал неохотно, на требы, подтянув подол рясы повыше, отправлялся пешком – машины у него не было. Словом, так себе священнослужитель по нынешним-то временам....

Но паства его любила. За кроткий нрав, за улыбчивую приветливость и ласковое участие к каждому, кто бы ни обратился к нему за помощью или советом. За то, что не имея вроде бы, никаких видимых на то причин, о. Святослав смог стать для общины и сердцем её, и душой, искренне участвуя в судьбе каждого прихожанина.

Единственно, кем не был и не мог стать для своего прихода настоятель, по причине особенностей характера и непреклонных в вере убеждений, так это хорошим управляющим. Деньги он зарабатывать не умел. Мало того – не хотел о. Святослав деньги зарабатывать на церковных Таинствах да на

требах..., принципиально не хотел:

– Бесплатно получил, бесплатно и отдавать буду. – Упрямо твердил он в ответ как на робкие жалобы на бедность прихода заведующей церковной лавкой, так и на настойчивые «намёки» митрополита о том, что церковную иерархию ещё никто не отменял и не дело обычному протоиерею главе епархии перечить:

– Думать не только о душе надобно, но и о хлебе насущном. – Хмурясь и сдвигая брови, наставлял он при редких личных встречах упёртого батюшку.

Однако брать деньги с желающих покреститься или обвенчаться и вывешивать в притворе установленные «наверху» прайсы, настоятель всё равно категорически отказывался, а богатых, да ещё и верующих спонсоров, в его окружении не было.

Так что, строительство на кладбище домика, из утеплённых панелей, и переезд туда из складского помещения, которое прихожане арендовали некоторое время на соседней заводской территории, они ещё потянули, собрав с миру по нитке. Но о возведении настоящего, большого белоснежного Храма, который вздымал бы к небу величественный золотой купол с крестом в виде якоря, да о воскресной школе в три этажа с трёхступенчатой колокольной поблизости, можно было забыть.

***

О небольшой церквушке, которая теперь хранила вечный покой безымянных усопших, под белым берёзовым саваном, им рассказали друзья:

– Тихо там, уютно..., по простому. И настоятель добрый, и прихожане улыбчивые. Не то, что в Вознесенском, кафедральном, или в Александро-Невского..., где не поймёшь, то ли службу служишь, то ли модную постановку в Оперном Театре слушаешь. До батюшек не достучаться, народу тьма, бабки с колючими взглядами возле подсвечников, словно «церберы» на коротком поводке.... А тут..., будто дом родной. Да и.... – Друзья немного замялись и, с некоторой долей смущения, добавили. – Да и бесплатно всё здесь. Ну, свечи, там, иконы, книги понятно, приход их вынужден продавать, сам покупает. А за всё остальное денег не берут, только добровольные пожертвования.... Вы не подумайте, это для нас не главное, но всё-таки показатель.

Егор с женой денег не считали, заказывая по монастырям и многочисленным, теперь, городским церквям сорокоусты и подавая записки на Литургию. Смерть сына уже давно расставила всё по своим местам: что теперь в их жизни главное, а что нет. Да и не было никакого чувства покупки, когда протягивали они свои, честно заработанные..., женщинам в церковных лавках или представителям монастырей на Православных Ярмарках, с просьбой помолиться за безвременно ушедшее ко Господу родное чадо. Не покупали они эти молитвы, не обменивали их на деньги..., просто давали воз-

возможность людям, будь то монахи, монахини или священники в Алтаре – заниматься своим великим и нелёгким служением, не отвлекаясь на мирскую суету и не задумываясь, где бы достать кусок хлеба. Так что большой разницы, платные в Церкви записки на проскомидию или нет, для Егора с Галей не было.

И, тем не менее, это действительно был показатель. Показатель, что незримое присутствие извечного Духа Святого, на окормляемом им приходе, для настоятеля было куда важнее, чем звон разменной монеты.

Первая исповедь, со слезами на глазах, под ласковое утешение о. Святослава; первая Литургия, которая оставила после себя смешанное чувство непонимания, досады и, в то же время, надежды на будущую безусловную сопричастность; первая Пасха, с крестным ходом, молодыми девушками в народных костюмах и старинными припевами после службы...

А три или четыре месяца спустя, вслед за пронзительными «сквозняками» слухов и еле слышным ветерком перешёптываний о запрещении отца Святослава в служении, ворвался в Церковь, ураганом преобразований и неожиданных идей, новый её настоятель отец Иоанн. Высокий, немного сверх меры упитанный, с чёрной вызывающе торчащей бородкой и смоляными волосами, затянутыми сзади в косичку. Взгляд прямой и цепкий, голос поставленный и сильный.

В чёрной, повседневной рясе, большой и стремительный, он, в сопровождении небольшой свиты, прошеествовал перед

очередной воскресной службой в Алтарь, под нестройный взволнованный гул паствы, и первая Литургия с новым настоятелем началась....

За самое короткое время на приходе изменилось решительно всё.

Записки, требы и Таинства обрели, наконец, «долгожданную» стоимость; на большой информационной доске в притворе стали появляться просьбы о пожертвованиях на ту или иную икону и воззвания о сборе средств на очередной элемент храмового убранства. А на небольшой площадке перед церквушкой, засыпанной мелким отсевом и тщательно утрамбованной, кроме нового джипа отца Иоанна, стали появляться и другие дорогие машины....

Участившиеся службы, читаемые распевным дисконтом нового дьякона и низким, красивым баритоном настоятеля, стали понятнее и ближе. Проповеди заставляли задумываться и сопереживать. Перед Таинством Крещения ввели обязательные лекции, и желающие обратиться в Православную веру подходили теперь к своему выбору более сознательно.

Старый клир, самостоятельно постигающий азы церковных песнопений, ушёл вместе с отцом Святославом, и их место заняли студенты консерватории, молодые ребята с потрясающе профессиональными голосами.

В трапезную закупили необходимое оборудование, и она превратилась в небольшую мини пекарню, для хлеба,

просфор и воскресных пирожков с разнообразными начинками.

Жизнь прихода, примеряя на себя рамки нового уклада и новых реалий, постепенно входила в обыденное для всех верующих людей русло.

А возле входных дверей, в окружении цветочных горшков, рядом с расписанием богослужений, появилась небольшая схема настоящего, большого и белоснежного Храма, который теперь уже точно, все в это поверили вдруг и безоговорочно, будет вздымать к небу величественный золотой купол с крестом в виде якоря....

***

Не успел Егор хорошенько узнать бывшего настоятеля и проникнуться по отношению к нему каким-либо определённым мнением. Служили при Святославе только по выходным да по большим праздникам и Егору, в силу его рабочего графика, удавалось попасть на богослужения только раз в месяц, так что большого потрясения от случившегося он не испытывал. Лишь осталось занозой в сердце какое-то расплывчатое чувство неприятного удивления и некоторой растерянности от такого явно несправедливого решения епархиальных властей.

С другой стороны о том, что происходит в церкви помимо богослужений, её, так сказать, внутреннюю кухню, Егор не знал совсем. Слышал, конечно, краем уха, что дисципли-

на и подчинённость священников во внутренней церковной иерархической структуре похлеще будет, чем в армии, но не более того. Поэтому делать какие-то далеко идущие для себя выводы из произошедшего не спешил.

«А пора бы уже с пространством за Царскими Вратами и поближе познакомиться. – Думал Егор, в очередной раз выходя с воскресной Литургии и отвешивая Храму положенные три поклона с крестным знамением. – Чувствую ведь, что не в стройке моё предназначение, что способен на большее...».

Но тут же в памяти всплыл последний разговор с отцом Варсонофием:

– Не вижу я, батюшка, теперь смысла в своей работе. Ну, не вижу.... Раньше для парней своих на стройке горбатился. Одеть, обуть там, образование хорошее дать...., на всё деньги нужны. А теперь зачем? Старший уж отучился, работает, а младший.... – Егор судорожно вздохнул и, опустив голову, глухо добавил. – Мне бы в Церковь. Хоть кем.... Чувствую, что на большее способен, чем кирпичи друг на дружку укладывать. Не узнаете через знакомых, может, понадобится я кому-нибудь?

– Почему же не узнать? Узнаю.... – Отец Варсонофий ухватил за штанину парализованную ногу и принялся её массировать, слегка покачиваясь на своей старинной панцирной кровати. – Да только меня послушай – рано тебе в Церковь. Нечего тебе там, пока, делать. В том смысле, что на служ-

бы-то обязательно... , к Причастию подходи, как душа потребует... , но не более. Всё своим чередом совершаться должно, а твой черёд служить ещё не пришёл. Работаешь на стройке, так и дальше работай. Дыши свежим воздухом...

Иеромонах отец Варсонофий был рукоположен в священники уже после пострига: то ли служителей в немногочисленных Храмах того времени не хватало, то ли ещё по какой причине... Звёзд с неба не хватало, в архимандриты не рвался и перед митрополитом не заискивал. Ровно служил. А что выпить любил и, по здоровью своему отменному, редко на пол литре останавливался, в свободные от служб вечера да в хорошей компании, так за то от Господа и претерпел обширным инсультом и частичной парализацией: «Спасибо тому хирургу, который трепанацию делал».

Пить с тех пор перестал. Сидел всё больше дома, в квартире, которая от родителей осталась, принимая редких посетителей, во спасение души, и проводя основное время дня за молитвой. И поползла, спустя несколько лет, по округе молва о новом старце, который через болезнь свою к святости приблизился и прозорливость у Господа снискал.

– Слава Богу, хватило у меня ума искушению не поддаваться, дар-то ведь, какой-никакой, а и действительно имеется. Только управлять я этим даром не могу. Ляпну, сам чего ни попадя, а у человека потом глаза на лоб от удивления лезут, откуда, мол, вызнал старый. А я и сам не знаю... Не получается Духа Святого стяжать в полной мере, грехи, что совер-

шил за жизнь длинную, Свет застыт. А без этого не во благо людям способности мои, таких дел наворотить можно....

Ходил батюшка тяжело. Выкидывал вперёди себя вначале костыль, а потом, медленно и неуклюже закидывая корпус назад, подтягивал к нему непослушную ногу, опираясь свободной рукой о стенки или дверные косяки. Ни по дому толком убраться, ни щей сварить. Так к нему подруга Егоровой жены и попала: прибираться по выходным во славу Божию, да снедь нехитрую готовить. Через неё и Егор с батюшкой – сначала познакомился, а потом и подружился.

– Неволить тебя не могу и не буду. – Сказал отец Варсонофий, заканчивая разговор. – Поговорю с вашим новым настоятелем, как просишь, давно его знаю. Да только ещё раз повторю – рано тебе. Придёт время – будешь в Церкви, не денешься никуда. Но обождать надо. Не торопись....

Выполнил батюшка своё обещание.... Но встреча Егора с отцом Иоанном так и не состоялась: настоятель то недужить начинал не ко времени, то в командировку уезжал, с окормляемым им батальоном спецназа, то ещё что-нибудь. А со временем до Егора и вовсе дошло – не зря, ой не зря монах про «обождать» говорил, лукавя слегка перед ним для пользы дела, о своей «неуправляемой» прозорливости. Потому и работал до сих пор каменщиком на самой рядовой, обычной стройке, вздыхая время от времени по своей мечте и терпеливо ожидая исполнения пророчеств отца Варсонофия.

***

Закладной камень под фундамент будущего Храма заложили через год, в начале октября, когда был уже готов котлован и распланировано место для начала железобетонных работ: с Крестным ходом с хоругвями, молебном и проникновенным словом Митрополита, о важности Храма Божьего в жизни каждого православного человека и не только его.

Шуршало золото листьев под множеством ног пришедшей принять участие в долгожданном событии приходской пасты. Отливал небесной синевой просторный саккос на Владыке. В диссонансе с пасмурной погодой сияли белым, словно нетварным Божественным светом, одеяния священников.

И не было Егору никакого дела, в этот момент, до низких, налитых свинцом и ртутью, осенних туч, готовых в любой момент поделиться неласковым своим содержимым с застывшей в пугливом ожидании землём: «Вот оно... Вот же оно то, о чём говорил монах. Церкви по-разному служить можно, не только в Алтаре. Кто-то в трапезной во славу Божию трудится; кто-то ребятишек в Воскресной школе учит; кто-то территорию облагораживает... А я Храм буду строить, СВОЙ Храм. Для сына, для людей..., для себя».

Стены нижнего Храма, где выложенные из блоков, где выполненные монолитными работами, были готовы к весне следующего года. Всю зиму, приходя на службы по воскресным дням или в праздники, Егор, со смешанным чувством

ревности и душевного беспокойства, «без меня возводят, без меня», следил за развитием стройки, оценивая намётанным глазом её качество, но подойти, поговорить с работающими мужиками и предложить свои услуги, не решался. Что-то его удерживало, но что, он и сам толком не понимал, оправдывая свою нерешительность профессиональным несоответствием выполняемых работ: «Каменщик я, каменщик, а не бетонщик».

А в самом начале апреля, на праздник Входа Господня в Иерусалим, Егор, наконец, не выдержал. Началась кирпичная кладка и ему одного взгляда на неё стало достаточно, чтобы понять – ни одного человека, умеющего держать в руках кельму и уровень, в бригаде нет. Да и качество инструмента говорило само за себя: уважающий себя каменщик таким инструментом работать не будет. Кельма тяжеленная – рука быстро устанет; тупоносая – вертикальный шов аккуратно не затрёшь, только раствор по кирпичу размажешь; ручка деревянная – через месяц уже разболтается, зимой в руке будет скользить, да и расположена под таким углом по отношению к полотну, что Егор только диву давался, как ей вообще кто-то работает? И уровни..., лёгкие, практически невесомые... Их даже и проверять не надо, и так понятно, что врут. Бригадир, если такой уровень у кого видел – сразу об стену.

– День добрый, мужики, с кем тут о работе поговорить

можно?

Пара «мужиков», каждому из которых ещё и тридцати не исполнилось, стояли от остальных особняком и о чём-то говорили вполголоса. Один из них, высокий, цыганистого вида, с копной иссиня чёрных волос на голове и такого же цвета трёхдневной щетиной на подбородке; другой – казах, с короткой стрижкой и плоским лицом, лишённым даже намёка на растительность, удивлённо посмотрели на Егора.

– Каменщики вам нужны? – Добавил Егор, так как мужики словно воды в рот набрав, стояли и молча на него пялились.

– А ты каменщик? Настоящий каменщик? – Ещё более удивившись, словно перед ним был не человек, а какой-нибудь доисторический ящер, переспросил тот, который походил на цыгана.

– Ребята, я прихожанин здешний и Храм строится в том числе и для меня, а то, что вы делаете, уж простите великодушно.... А я да, каменщик.

Ребята, вопреки опасениям Егора, ничуть не обиделись.

– А то мы сами не видим, что не получается ничего. Мастерки первый раз в руки взяли, а делать-то кому-то надо. Профессионалы сюда не идут, деньги небольшие и вручную всё, крана нет.... Так ты к нам на работу? Вот здорово.... Да вон прораб ходит, тебе к нему подойти надо. И не беспокойся – точно возьмёт, если ты и вправду каменщик.... А нас научишь?

– Конечно научу, выбор-то у меня невелик, одному такую махину не осилить. Было бы желание....

Люди в бригаде были совершенно разные, словно в бытовку, как в трёхлитровую банку для засолки, бросили по паре молодых огурчиков, помидоров, перца, головку чеснока для аромата и зелени по вкусу. Натуральное ассорти.

Два подсобника из «местных»: Сашка алтарник и Фёдор, сын настоятеля. Первый, сразу же получивший прозвище Лысый за огромную, не по возрасту, плешь на голове – направлен на объект настоятелем в послушание. Второй – глаза и уши отца Иоанна на стройплощадке. Молодые, чуть за двадцать, но амбициозные парни с непростыми характерами, друзья детства. Ещё один подсобник со стороны, чуть постарше, вроде и работающий, но с какой-то внутренней червоточинкой, с каким-то надрывом, которые он тщательно скрывал.

Санёк, тот самый, с копной чёрных волос, оказался никакой не цыган, а вовсе даже Хохол, как его в бригаде и звали. Давным-давно приехал с Украины на заработки и потихоньку ассимилировался. Знающий себе цену, немножко вальяжный, немножко ленивый, но, в общем и целом.... Раньше работал всё больше по отделке в частных конторах.

Оман, россиянин казахского происхождения, старательный и по-восточному спокойно-рассудительный и Андрей, пятидесяти лет, с небольшой аккуратной бородкой, неболь-

шим аккуратным брюшком, всегда на «элеганте» и практически всегда подшофе. Профессиональный повар, не менее профессиональный ювелир, из немцев, но больше похожий на еврея. Как и для чего он попал в эту бригаду, Егор так и не понял.

Затем, бригадир Алексей, сварщик-монтажник, и его друг, тоже Алексей, плотник-бетонщик. Суровые сибирские парни немногим младше Егора. Эти в своём деле понимали, но к кладке никакого отношения не имели. Вот и вся бригада.

***

– Выпьешь?

Хохол ловким движением фокусника достал из старого кирзового сапога бутылку водки и вопросительно оценивающе посмотрел на Егора.

К алкоголю Егор относился спокойно. Вечером, грамм сто пятьдесят за ужином, снять запредельное напряжение после очередной рабочей смены или на каком-нибудь торжестве, выкушать отмеренную многими годами проб и ошибок свою норму, чтобы голова наутро не болела – это без проблем, это со всем нашим удовольствием.

Никогда Егор не опохмелялся и совершенно искренне недоумевал, из какого такого источника черпают здоровье некоторые его запойные коллеги, чтобы иметь возможность пить эту пресловутую «огненную воду» несколько недель без

перерыва. Егор и на свадьбах-то на второй день редко приходил, справедливо считая, что потреблённой за первые сутки отравы и так вполне достаточно.

А вот заглядывать в рюмку на рабочем месте... Не то, что бы для Егора это было уж совсем под запретом, но пить на работе он не любил. Работать «под градусом»..., лучше уж совсем не работать. И стены, «почему-то», кривыми получаются, и вероятность падения с какого-нибудь...надцатого этажа многократно увеличивается, и вообще – противно. На работе деньги надо зарабатывать, а не «бульки» по стаканам отсчитывать.

Но здесь дело было особенное.... Здесь дело было не в деньгах. Не хотел Егор начинать работу на Храме с конфликта, пускай даже и совершенно незначительного. Ну, откажется он выпить... – мужики, скорее всего, пожмут плечами и обойдутся своими силами в уничтожении очередной порции «зелёного змия», но в отношениях тут же появится натянутая осторожность – а не засланный ли «казачок»? А в какой степени можно доверить новому человеку разнообразные внутрибригадные тайны, а есть-то они у любого рабочего коллектива, если этот человек, гляди ка ты – водку употребить отказывается? А Егор не хотел размениваться на выяснение отношений. Егор хотел строить.

Поэтому Егор кивнул, с достоинством завязатого алкаша «продул» пластиковую рюмочную штамповку и подставил её под чуть дрожащее горлышко бутылки.

– Ты не подумай чего. – Хохол с едва заметным облегчением вздохнул, разливая спиртное, и смущенно прокашлялся. – Юбилей у Андрюхи вчера был, «полтинник» как-никак.... Ну, мы и перебрали маненько..., под полный казан плова. Он же повар дипломированный, сам и приготовил. Так что это у нас сегодня не пьянка, и даже не опохмелка – так, небольшие лечебные процедуры....

С первого же дня Егор окунулся в работу, словно в стремительный горный поток, который так и норовит сбить тебя с ног, но который, кровь из носа, нужно перейти....

Забрав под своё крыло самый сложный на данном этапе строительства участок, три алтарные абсиды, он успевал заводить мужикам углы, показывал, как правильно натянуть строительную бечеву и объяснял, почему один горизонтальный ряд кирпича, в раскладке по отношению к другому, обязательно должен идти с «перевязкой»:

– Здесь с «трёхчетвёрки» начинай, чтобы вертикальный шов следующего ряда оказался ровно посередине кирпича ряда предыдущего. Тогда нагрузка на него равномерно распределяться будет, и стены не полопаются. Представляешь, какое здесь давление на материал образуется, когда мы под купол выйдем? Для этого и все внутренние швы раствором пробивать нужно, чтобы ни одной щелки не оставалось. И сетку, сетку класть не забывают...., через каждые два ряда. Мало ли, что архитектор сказал: «Не надо».... У него своя

работа – правильно нарисовать, а у нас своя – на века построить.

Кто-то схватывал новую науку, что называется, «на лету», кто-то приходил к пониманию через усердную и кропотливую работу, а у кого-то, несмотря на все его усилия, всё равно ничего не получалось.

– Ничего страшного. – Успокаивал их Егор, отстраняя от кладки. – Вёдра с раствором тоже кому-то носить нужно. Храм строим, здесь любая работа душе во благо.

Командовать Егор не умел и не любил, в лидеры не стремился, но как-то так получилось, что не прошло и месяца, как его авторитет на строительной площадке стал непререкаем.

Он больше всех делал, лучше разбирался в чертежах и умел добиться своего, в чуть ли не ежедневных «стычках» с архитектором, стареньким дядечкой, если их взгляды, на тот или иной стеновой узел, расходились.

С мужиками держал себя ровно, тонкости кирпичной кладки объяснял терпеливо, ничем не выказывая своего превосходства, о вере говорил без нравоучений и только тогда, когда спрашивали. А вот с молодыми подсобниками отношения заладились не сразу....

– Саш, что ж ты мне тыкаешь-то всё время? Я же тебе в отцы гожусь?

Вообще, «по жизни», Егору было совершенно безразлич-

но, как к нему алтарник Лысый обращается. Да на стройке и в принципе выкать не принято. Никто не будет кричать своему старшему товарищу: «Иван Васильевич, а не могли бы вы отойти немного в сторону? Как бы с поддона, который над вами «проплывает», кирпич, какой, ненароком на голову не шлёпнулся...». Долго это слишком и неинформативно. «Бойся, твою мать!» – Куда короче и понятнее.

Однако Лысый, без активного внешнего управления, быстро к работе охладевал и норовил забиться куда-нибудь в укромный уголок – потыкать пальцем в дисплей своего старенького смартфона и поржать в одиночестве над очередным анекдотом с какого-нибудь юмористического сайта. А управлять Лысым, особенно тогда, когда «управляющий» не пользовался его уважением, было невозможно.

– Эх, Сашка, Сашка..., побью я тебя когда-нибудь. – Вздыхал Егор.

– Ты..., меня? Ой, держите меня семеро, как бы со смеху не помереть. Да ты же старый..., а я на рукопашный бой три раза в неделю хожу. Тыкал всем и буду тыкать, нет для меня авторитетов в этой жизни, кроме нашего приходского священства.

И когда в бытовке, невесть откуда, появились боксёрские перчатки, Егор решил:

– Ну что, Александр, посмотрим who is who? – Потрясая перед носом Лысого бойцовской атрибутикой, спросил он. – За бытовкой, один на один? Только предупреждаю, я в дет-

стве боксом занимался.

Лысого перекосило от смеха, но предложение он принял:
– Пойдём, старикашка. Обещаю, больно бить не буду.

Несмотря на свои почти пятьдесят, Егор был в хорошей физической форме. Работа каменщиком на стройке, когда за смену по несколько тонн кирпича и раствора через свои руки пропускать приходится, расслабляться не позволяла. Да и груша боксёрская, которую он когда-то купил для ребятнишек, до сих пор на своём месте висела.

Подъём полшестого, обязательная зарядка, лёгкий завтрак и на работу. Обед, с двенадцати до часу, чем Бог пошлёт и только около восьми вечера – плотный ужин. Ночной кошмар диетологов, но лишние килограммы к Егору не прилипали.

Лысый напротив: любил поспать, любил поесть, постоянно везде опаздывал и регулярно пропускал тренировки. А возможные рельефные кубики пресса надёжно скрывал приличный животик.

Единственное преимущество у него было перед Егором – возраст и весёлая, наглая уверенность в своих силах....

Тактику и стратегию боксёрских поединков Егор помнил хорошо, поэтому первым делом решил использовать своё преимущество в росте: держать более низкого противника на расстоянии лёгкими, но беспокоящими ударами левой руки.

Основная рука, правая, наготове для решающего удара. Однако использовать правую, в этом поединке, Егор даже и не думал. Он понятия не имел, какая теперь в ней сила, а проверять это на Лысом не имел ни малейшего желания, вспоминая, как сбивал раньше целиковые деревянные двери с петель одним махом.

Правая рука Егору бы и не пригодилась. С первых же секунд боя он понял, что перед ним совершеннейший дилетант, понятия не имеющий ни о защите, ни о нападении.

«Чему же вас на тренировках учат? – С лёгким удивлением думал Егор, уходя от беспорядочных ударов Лысого. – Или ты совсем на них не ходишь?»

Выждав удобный момент, когда атакующая рука Сашки пошла назад, а его лицо оказалось открытым, Егор очень расчётливо и аккуратно ткнул его перчаткой в нос. Лысый мотнул головой, обиженно засопел и полез в атаку уже совершенно открывшись. Егор ткнул ему в нос ещё раз. Появилась кровь, из глаз Лысого брызнули слёзы и он, зарывав, бросился на «обидчика» наклонив голову, словно кабан на ранившего его охотника.

Егор сделал шаг в сторону, левой рукой обхватил несущееся на него тело за плечи и с подсечкой, на противоходе, бережно уложил Лысого на землю.

– Всё, всё, всё, Сашок. Хорош.... – Быстро проговорил он, прижимая брыкающегося Александра к примятой им траве. – Прости ты меня, дурака....

– Да какое там «прости», Егор Геннадьевич! – Заорал, подсакивая, Лысый, когда Егор ослабил хватку. – Это же.... Ну, ничего себе.... Круто ВЫ меня отметили. Вот здорово.... По-настоящему....

«– Вот и пойми ты это племя, «младое и незнакомое». – Удивлённо хлопал глазами Егор, провожая взглядом Лысого до умывальника: «Вы видели..., нет, вы видели, как меня Егор Геннадьевич уложил?». – Всё у них навыворот.... Однако, кроме приходского священства, и ещё один уважаемый для Лысого человек на этой земле, похоже, появился».

***

Храм строили вручную, в самом прямом смысле этого слова. Из всей техники – миксер по утрам, с раствором или бетоном; погрузчик раз в две недели, кирпич подвезти поближе к стенам; да кран, в случае совсем уже крайней необходимости: ригеля смонтировать, к примеру, или плиты уложить. Тут своими силами никак не справишься.

Лето выдалось аномально жарким и тяжёлую работу: десять часов под палящим зноем, шесть дней в неделю – выдерживали не все. Чаще всего менялись подсобники. Да и то сказать: ведро с раствором – не меньше пуда. Одно нести неудобно, спину до обеда переклинит, значит два нужно тащить, для равновесия, а это уже.... Да кирпич каменщикам накидать по полтора-два поддона за день..., в тоннах считай. Да там копнуть, там отпилить, там «присобачить»....

А солнышко-то, особенно послеобеденное, в зените, словно на землю сошло – давит раскалённым воздухом, бьёт своими лучами по молодым и глупым беззащитным макушкам, вышибая остатки сознания из и так изнурённого жарой мозга.

– Эка дурни. Сколько раз говорить, что нельзя без головного убора на солнце работать.... В тень его давай и водичкой.... Да не с ведра же....

Значит, самому на раствор вставать. Иначе и остальные повалятся под увеличившейся нагрузкой....

– Егор Геннадьевич, не лезьте не в своё дело, без вас справимся. Или кладки вам мало?

Прав Лысый, так-то, каменщик, он тоже не железный. Как согнулся в начале смены, словно шнурки завязать приспичило, так до вечера и не разгибаешься. Сначала стену водой полить надо, иначе раствор к раскалённому кирпичу не пристанет, сварится; поднять тяжеленное ведро на кладку, вывалить, разровнять строительную смесь и кирпичик к кирпичику, один за другим, тюк, тюк, тюк.... Да ладно, на ровной стене, углы завёл и гоняй себе кладку ряд за рядом по бечевке. А на круглых алтарных абсидах бечеву не натянешь, каждый кирпичик уровнем проверять надо, да ещё и во всех проекциях. Если с самого начала горизонт «потеряешь» или вертикал завалишь – попробуй потом, исправь....

А когда не было кладки: вязали арматуру, подливали колонны, засыпали полы в несколько слоёв, трамбовали, бето-

нировали, отливали плиты и балки... И не было в такие дни и недели разделения на подсобника, каменщика или плотника-бетонщика, все были заодно, все, в силу своих умений и талантов – просто строили Храм.

***

Слукавил Хохол про «небольшие лечебные процедуры», разливая водку по рюмкам в первый для Егора рабочий день, ох слукавил... – пили мужики. Пиво, водку, спирт..., с закуской, если повезёт или без неё, довольствуясь одной корочкой хлеба на всех, что случалось гораздо чаще. Пили....

Падать не падали, народ, в этом плане, крепкий подобрался, и работали, как положено, но сам факт.... Дом Божий строим..., и навеселе практически постоянно.

Егор и сам прикладывался к рюмке, время от времени, давая непростительную в таких вопросах слабинку, но его, в отличие от всех остальных, это обстоятельство сильно тревожило:

– Завязывать надо, парни, завязывать. Не дело это совсем, Храм ведь строим....

Мужики соглашались, покаянно качали головами, но на следующий день всё повторялось сначала.

– Не под силу мне такая нагрузка без выпивки. – Разводил руками Андрей-ювелир. – Да и жара ещё эта проклятая навязалась.... Ну, как тут без баночки другой холодненького пивка обойтись?

– Зачем же тогда ещё и спирт в такую-то жару хлещете?

– Так пиво долго в организме не задерживается, через пот, как за здрасте вылетает . Вот спиртом этиловый баланс в теле и восстанавливаем....

Бесполезно. Не достучаться. Может отец Варсонофий чего посоветует?

– Ну, а что ты с ними сделаешь? Ругаться каждый день будешь? А толку? – Голос у батюшки в телефонной трубке был слабый, с тем лёгким оттенком профессорской усталости от нерадивых студентов, которые в очередной раз не подготовились к сессии. – Только отношения испортишь, а то и раздерётесть, не дай Бог.... Молиться тебе за них надо, молиться. Ничего другого не остаётся....

Егор чуть по лбу себя с досады не ударил. Православный называется. О главном-то «оружии» христианина и забыл. Конечно, молиться. Просить Господа, чтобы отвадил как-нибудь мужиков от спиртного.

– Спасибо, батюшка, за науку. Сам сообразить должен был.

– Ну, так, а для чего я тогда небо до сих пор копчу? И слава Богу, что пригодился....

Вот в эти-то минуты и понимаешь, что такое настоящая молитва. Пробрало Егора до самых косточек, пока Бога о помощи просил в домашней келье перед иконами, даже волосы

на голове дыбором встали. Не головой просил, не сердцем – всем существом своим стучался в двери вышние, чтобы только слышали... Поэтому и на работу утром ехал с благоговейным трепетом – что-то будет?

Мужики в бытовке сидели угрюмые, какие-то потерянные..., но трезвые. Даже пива ни у кого не было.

– Странное какое-то ощущение. – Задумчиво произнёс Хохол, подпирая рукою заросший чёрной щетиной подбородок и меланхолично глядя в пространство перед собой. – Вроде и выпить бы, а что-то..., не даёт как будто бы.

– Так это, – заёрзал на скамейке ювелир. – Может, не будем поддаваться этому ощущению? Может в магазин, всё-таки?

– Нет. Шабаш. У меня уже эта водка вот где стоит. – Приставил Хохол ребро ладони к кадыку. – Давай без «дозаправки» хоть немного поработаем.

На трезвую голову они и действительно работали недолго, всего только один день. Молитвы той силы, которая была в первый раз, у Егора больше не получилось и мужики вернулись на круги своя. Но не прошло и недели, как Хохол запросился в отпуск и на строительство Храма из этого отпуска не вернулся. Нашёл работу «посытнее». А за ним «сбежал» на больничный и ювелир, он же повар, он же еврей немецкого происхождения. И тоже с концами.

А без основных зачинщиков ежедневных попок, в бригаде, наконец-то, установился строгий и незыблемый сухой

закон.

***

Прошло лето. Пролетела осень, отыгравшись за засушливые и жаркие месяцы затяжными, холодными дождями, и «грянула» зима, не по-сибирски мягкая и малоснежная. Храм заметно «подрос», дотянувшись своими стенами, вкруговую, до восьмиметровой отметки и со дня на день планировалось приступить к возведению внутренних четырёх колонн, делу трудоёмкому и более чем ответственному – как-никак, а основная опорная конструкция для арок, кокошников, «барабана» и купола с крестом, общим весом в несколько сотен тонн. Однако именно в этот момент и начались непредвиденные осложнения, и именно с той стороны, с которой Егор их совсем не ожидал.

– Да не выдержит такая колонна нагрузку. Что это ещё за «орнамент» тут выложили? Углы, ниши какие-то? – Возмутился конструктор, старенький дядечка сильно пенсионного возраста. – Не выдержит....

– Вот и я думаю, что не выдержит. – В тон ему «щебетал» архитектор, тоже далеко уже не мальчик. – Ну..., вот, что это за выступ?

Егор с мужиками полдня потратили на прогрев основания колонн и на их «разбивку» по осям, чтобы колонны, и действительно сложные по конфигурации, ни на йоту не отсту-

пали от размеров, указанных в чертеже.... И вот на тебе.

Егор стоял, хлопал глазами, глядя на разбушевавшихся пенсионеров, поочерёдно тыкающих пальцами в проект, и в душе его росло раздражение: «Какого рожна? Сделал точно по размерам, строго по рисунку, который сам же архитектор и нарисовал, а теперь выходит, будто я самовольно ерунды нагородил. Раньше-то ваши глаза, уважаемые наши старички, куда глядели? И что делать теперь? Без колонн дальше двигаться некуда».

– Да и холодно. – Продолжал неистовствовать конструктор. – При таких температурах колонны делать нельзя.

– При каких ТАКИХ температурах? – Не выдержал Егор. Он давно уже стоял без шапки, от разгорячённой головы шёл пар. – На улице минус пять.... Раствор с добавками идёт, в чём проблема?

– Нет, нет, холодно. – Обеспокоенно наклонив голову, поддакнул конструктору архитектор. – Нельзя....

«Да идите вы...» – Чертыхнулся в душе Егор и, чтобы не наговорить лишнего уважаемым людям, пошёл в бытовку. – «Сами там со своими колоннами разбирайтесь, а я пока чайку хлебну, нервы успокою».

Однако это было только начало.

По ступенькам бокового входа, которые бригада успела залить бетоном ещё до начала дождей, поднималась навстречу Егору целая процессия. Настоятель, в чёрной рясе, плотной тёплой тужурке и клобуке; генеральный спонсор, высокий

мужчина средних лет, в очках с мощными линзами и ухоженной бородкой на худом лице; ещё двое мужчин, незнакомых Егору, в дорогих полупальто и лёгких лакированных ботинках: «Видимо это их «Мерседес» возле Храма остановился»; Федя, куда уж без него и молодая девушка, в тёплом шерстяном пальто, которое было ей явно не по размеру.

«Как бы пуговицы, гляди, не отлетели. Вон как расpiraет...». – Автоматически оценил Егор богатые формы, явно выставленные напоказ, и снова чертыхнулся. – «Согрешения одни от вас, прости Господи. Вот вырядилась...».

– Посмотрите..., вот, посмотрите, ну что это за шов? – Тыкала девица тонким прутиком в стену, выложенную ещё летом. – Заполнение неоднородное, горизонт не выдержан, каверны кругом.... Теперь дальше....

Егор молча отступил, пропуская инспекцию, кивнул бабюшке со спонсором, а Федю, который многозначительно ему улыбнулся, мол, и я не лыком шит, схватил за рукав и подтянул к себе:

– Это ещё кто такие?

– Юлия, новая папина помощница. Спецов каких-то строительных подтянула, чтобы качество кладки проверили. Накрутила уже отцу, что с такими нарушениями стены и до весны не дотянут, развалятся. – Возбуждённо вещал Фёдор. Какое-никакое, а всё-таки приключение в череде однообразных рабочих будней. Такой своеобразный скандальчик.

– А-а, развалятся, говорит..., ну-ну. Она что, большой по

таким вопросам специалист?

– Да я откуда знаю? – Взвился Федя, пританцовывая на месте от нетерпения, уж очень ему хотелось посмотреть продолжение «концерта». – Сам первый раз её вижу. Пусти....

Егор о своём Храме, словно о родном ребёнке, знал всё. И то, что из-за прослабленного в одном месте фундамента, начало «рвать» стену и им пришлось компенсировать эту трещину трехтонной железобетонной балкой, отлитой по месту, а потом, по всему периметру Храма, бросать армированный бетонный пояс, связав стены в единую конструкцию. И то, что действительно цокольная кладка оставляла желать лучшего, потому, что делали её не профессионалы – их просто не было, а он один физически не мог успеть везде.... Так ведь делали-то, может, и неказисто, но крепко, с полным заполнением швов и кладочной сеткой через каждые два ряда. За этим он следил неукоснительно.

Да, стены не везде ровные, да, швы «гуляют», да, каверны..., это всё имело место, если приглядываться к отдельно взятому участку в отдельном месте, но общее-то качество от этого не страдало. Егор был уверен в этом абсолютно, не первый день на стройке.

А сложность кладки, с арочными многоуровневыми порталами; с внутренними и наружными пилястрами вычурной формы; с рельефом на основании закомар; сложной конфигурации окнами и прочее, и прочее, и прочее. Для Егора бы-

ло чудом, что в том составе, в котором они работали, всё это было сделано. И ведь красиво....

А теперь какая-то непонятная Юля ходит по «его» Храму и высокомерно пальчиком тычет в кладку, обильно сдобренную потом и кровью его самого и его товарищей – фи, мол, гадость какая....

***

В небольшой бытовке контейнерного типа было жарко. Егор приоткрыл окно, сел на лавку и тяжело задумался. Силы его были на исходе, и физические и моральные, а сегодняшняя нервотрёпка – лишь очередной камешек, в уже порядке набитые «закрома».

Утром с постели вставал, словно из могилы поднимался, с трудом и без всякой охоты разминая забитые в камень мышцы и неповоротливые суставы. Раздражителен стал, по поводу и без..., на ребятах срывался всё чаще, а ведь и они не роботы. Болячки разные, о которых он раньше и не подозревал, цепляться начинали.... Эх.... Самое то..., уже и на работу приходишь, как на каторгу: ни радости былой, ни азарта, ни желанья – одна сплошная и унылая внутренняя «обязаловка». Нужно достроить, нужно достроить, нужно.... И усталость, усталость, усталость. Изматывающая и отупляющая.

И хоть бы слово утешительное, хотя бы намёк на понимание их трудностей и проблем со стороны приходского священства. Хотя бы что-нибудь.... Ничего. Вообще ничего.

Одно недовольство, придирки и запреты. Ни поговорить с народом, не выслушать, ни слово своё пастырское сказать.

Разные люди приходили к ним в бригаду. Кто-то верил в Бога, но не верил в Церковь. Кто-то в Церковь заходил, но Бога не знал. Кто-то верил только в себя или не верил вообще ни во что.... Им бы..., даже не слов, не участия.... Им бы показать, что вот он я, православный священник, взятый Господом в услужение вам, в указание пути истинного, в наставление – делай как я, если хочешь, конечно, достичь берега обетованного....

А что батюшка им показывает? Какая у него дорогая машина и что по сравнению с ним, старшим «офицером» от Церкви, они, простые строители Храма – обычная солдатня, с кем и разговаривать-то зазорно?

Не мог понять этого Егор. Ни понять не мог, ни, тем более, принять. А тот факт, что лично к нему отношение было: «хоть сейчас на икону пиши» – угнетало его ещё больше. Выходило, будто он в одного Церковь строил.

– У нас священников что, с Марса завозят? Нет? Так чего же ты от них хочешь? – Втолковывал Егору в одну из встреч отец Варсонофий за крепким чёрным чаем с сушками. – Такие же люди, как и мы. А люди – они все разные. И одно запомни: хороший ли отец Иоанн человек, плохой ли – он священник, что свяжет на земле, то и на небе связано будет. От Апостолов идёт. Или ты не знаешь, что такое Хиротония?

Знал Егор о значении таинства Рукоположения..., знал. Как знал и расхожее выражение: «Не важно, из какого материала проводник сделан, из золота ли, или из железа ржавого, главное, чтобы проводил». Но знать – это одно, а пропустить это знание через печёнку свою, проникнуться этим знанием вполне и научиться применять его в жизни – совсем другое. Вот этого-то как раз у Егора и не было. Можно тысячу раз говорить халва, халва, но пока на язык её не попробуешь – во рту слаще не станет.

«Да, не на Марсе священников выращивают. Да, такие же люди.... – Упрямо думал Егор, снимая тяжёлую куртку и включая чайник. – Но ведь христиане. И не просто христиане – первые среди них.... Должны быть. А на деле?

Вот курят мужики..., мало того, бычки разбрасывают по всей территории вокруг строительства. Хорошо это? Отвратительно. Нужно с этим бороться? Несомненно. Но как? Листовку напечатали, мол, курение – бесам каждение и все курильщики, к бабке не ходи, в аду будут. Пш-шёл за ворота на десять метров, причастник ада, там и вдыхай свой дым вонючий.... Одним росчерком пера отделив себя, всех таких белых и пушистых, от этого грязного и дурно пахнущего быдла. Того самого, так, на минуточку, которое вам, дорогие мои, Храм строит.

Ну и что? Мужики курить бросили? Ага, держи карман шире. Только озлобились в ответ. Да и не существовало для многих из них таких понятий, как «бес» и «ад» – в повсе-

дневной реальности.

Ты бы рукава засучил, собрал бы женщин несколько, да с молитвами, эти «бычки», руками в ведёрко: «Помоги, Господи, строителям Храма сего курить бросить», да чтобы мужики всё это видели. Бросили бы курить или нет, сказать не могу, но бычков на территории уже бы точно не было. Разве можно исправить что-либо одними запретами? И где тут любовь и забота Христова: «Не здоровые имеют нужду во враче, но больные...».

Чайник давно вскипел, выбросив клубы белого пара в приоткрытое окно, но Егор уже забыл о своём намерении побаловаться горячим напитком, продолжая угрюмо взвинчивать своё, уже привычное, раздражение:

«Куратора вот нанял. Это ж только подумать...»:

– Куратора-то зачем, батюшка? Он-то нам на кой? Прораба по за глаза хватает....

– Так ведь воруют, Егор, ты бы знал, как воруют. Куратор мне глаза-то и открыл. – Отец Иоанн будто не с Егором разговаривал, а с кем-то значительно выше, который незримо присутствовал за его спиной. Складывалось, по крайней мере, такое впечатление, судя по направлению взгляда батюшки.

– В смысле – воруют? Кто!!?

– Да Володя, прораб ваш, и ворует. Сетка кладочная в два раза дороже выходит, чем должна бы; на раствор цены завышены, да мало ли что ещё.... Не хочу я во всё это влезать.

Пусть теперь куратор этим занимается.

– Как не хотите влезать? Так ведь если ворует..., уму непостижимо, чего ж держите его тогда? Гоните в шею.... Деньги ведь отовсюду по копеечке собираются.

– Да где ты сейчас честного прораба найдёшь?

Не мог Егор вместить в себя этого – теперь что, пускай дальше ворует? Странная какая-то логика у батюшки. Кто здесь хозяин-то? Кто центр единый, на котором всё должно быть «завязано»?

И да, куратор на стройке – дело привычное, но никогда и никакого отношения к финансовым потокам кураторы, в обычном их понимании, не имели. Их прямая задача – за качеством работы следить. А человек, которого настоятель куратором принял, в строительстве ни бельмеса не понимал. Приезжал под занавес дневной смены лишь для того только, чтобы проконтролировать, а действительно ли строители до 17.00 сегодня отработали, как в таблице потом отметят? Да и то, о каком таком доверии к строителям может идти речь, если они курят, нецензурно выражаются и вообще – по пояс уже в преисподней?

А то, как он следил за состоянием финансов, мужики почувствовали на себе сразу – и с материалами проблемы начались, и на зарплату деньги стали им поступать с большими перебоями.

«Вот уж воистину, бояре дерутся, а у холопов чубы трещат. – Продолжал Егор невесёлую с самим собой беседу. –

Может быть прораб и ворует, но мы-то здесь при чём? Да и в воровстве Володином большие у меня сомнения...».

После разговора с настоятелем, Егор сразу поговорил и с прорабом, иначе, как с ним дальше работать?

– Да я хоть сейчас готов за каждую копейку отчитаться. – Вскинулся прораб Володя, но большого удивления на его лице Егор не заметил. Видимо информация для него не новой была. – Знаешь где у меня уже все эти подковёрные интриги? А теперь и вообще меня от денег отстранили, всё через куратора идёт. И что? На растворном узле долг в сто тысяч, ни погрузчик, ни кран до сих пор не оплатили..., вам должны.... А крайний, почему-то, всё равно я. – Большая редкость, увидеть всегда уравновешенного прораба в таком раздражении. – Сетку кладочную, говоришь, дешевле купили? А ты её видел? Разваливается вся, только дотронешься. Раствор дороже, так он с присадками ведь зимними сейчас идёт, а они денег стоят. Где они куратора этого откопали – пень пнём.... Ничего не понимаю. Меня, который здесь с самого начала, слышать не хотят, а куратору, который палец о палец ещё на стройке не ударил, в рот смотрят....

Куратор с Егором разговаривать не стал, много чести, а его претензию на плохое качество раствора, после замены растворного узла на более дешёвый, пропустил мимо ушей. Круг замкнулся.

***

Город готовился к Новому году. Мигали разноцветными огнями гирлянды на ёлочных базарах, призывая горожан освободить хвойные лапы лесных красавиц от верёвочного плена, а заодно и свои кошельки, от приличной суммы денег. На бесчисленных площадях, улицах и переулках Торговых Центров плясали игрушечные Санта-Клаусы, под незамысловатый *Jingle Bells*, а северные олени, сотканые из светящихся проводков, недоумённо крутили своими рогатыми головами в поисках утраченных иллюзий. Блестящая мишура, всех оттенков радуги, свисала с потолков, струилась по плечам дорогих вечерних платьев в модных бутиках, ниспадала каскадами волшебных водопадов с прилавков игрушечных магазинов. В воздухе явственно пахло подмороженными мандаринами, а в душах больших и маленьких жителей огромного мегаполиса зарождалось и крепло новогоднее настроение.

Лишь на бригаду строителей Храма предновогодние флюиды не подействовали: настроение у мужиков было – хуже некуда.

– Я всё могу понять, всем сейчас тяжело. Санкции эти..., кризис. – Бригадир Алексей вроде бы сам с собой разговаривал, озвучивая мучившие его вопросы, но поглядывал при этом на Егора, мол, что ответишь на это, верующий ты наш. – Одного не понимаю – почему с нами не поговорит-то никто? Куратор там, спонсор..., настоятель? Не объяснят нам, от-

чего задержки по зарплате, надолго ли, какие перспективы? Нам-то чего ждать?

– Не знаю ребята, как вы, а моя «терпелка» выдохлась. – Не дал ответить Егору Сашка-депутат, получивший своё прозвище за непримиримую по жизни позицию законника. Есть закон, значит – он должен быть исполнен. Полутонов и подзаконных актов он не признавал. Один из тех, кто пришёл на смену уволившимся. Хоть и не каменщик, но в кладке получше Хохла с ювелиром разбирался. – Дома скоро кушать нечего будет, а здесь, вместо денег, одни инспекции.... Всё роют и роют, а чего нарыть хотят – непонятно. Если уж совсем мы вам невтерпёж или другая бригада на примете есть, православная – так скажите. В эту же минуту свои манатки собираю.... Да уже и собрал. Я сегодня, мужики, последний день работаю. Обратно на каркасник ухожу....

– Я тоже.... – Это Лёшка-пасечник, уж больно приметную он шляпу летом носил, только что сетки вокруг лица не хватало. Второй каменщик из трёх, включая и Егора. – Мне за кредиты платить надо, а платить нечем. Да и отношения такого к нам... – не понимаю. Если неверующий, так теперь и не человек, что ли? Я, например, очень хотел бы поверить.... Да, видно, не судьба пока. Завтра с Саньком на обычную стройку выхожу. Даже если сегодня деньги дадут, это моего решения не изменит.

В бытовке повисла тишина. Не то, чтобы Егор такого по-

ворота событий не ожидал, после трёх-то комиссий за одну неделю и более чем значительной задержки с заработной платой, а всё равно.... Последняя капелька предпраздничного ожидания радости в его душе бесследно испарилась.

– Что ж..., понимаю. – Егор, сделав над собой усилие, поднялся. – Не мне вас осуждать..., да и осуждать-то не за что – честно работали. Пойдём, последний «кубик» раствора добьём и денег ждать будем. Володя говорил – край, сегодня выдать должны.

В обозримом будущем этот кубик и действительно был последним – в одиночку Егору с таким количеством раствора и в таких условиях не управиться. Это он понимал прекрасно. А найти нормальных каменщиков, которые согласились бы на, практически полностью, «ручное» строительство за короткое время сложно.

«Сложно – это мягко сказано. – Думал Егор, дорабатывая раствор на уже заметно подросшей колонне. Чтобы не останавливать стройку её упростили до обыкновенного, в сечении, квадрата, а чтобы не мёрз раствор, подняли вокруг леса, затянули плёнкой и поставили внутри импровизированной вертикальной палатки обогреватель. – Времена тяжёлые и с работой непросто, это так, но из профи сюда только по зову душевному кто прийти может, а таких – днём с огнём.... Остальные с бригадами все, гуртом проще перекантоваться. А пойдика, объясни это настоятелю или Юле, тем более. У

них всё «очередь за забором» какая-то мифическая стоит.

Сколько уже этих соискателей было. Придут, постоят, посмотрят, как мы вёдра с раствором верёвками на стены за-тягиваем, да кирпич вручную корячим – разворачиваются и уходят. Вот и вся «очередь».

И комиссии эти... Одна за другой, одна за другой... Ходят, смотрят, куда им Юленька, прости Господи, своим пальчиком тычет. И ведь говорят потом настоятелю в кулуарной беседе, мол, что за паника? Такого качества кладки, как у вас, и на больших стройках поискать. Сам мне рассказывал... Да только мимо всё. Через два дня новая комиссия и с новыми специалистами...

Ну, уговорили – всё плохо и чудо какое-то, что Храм ещё не развалился. Дальше-то что? Останавливать стройку? Так ведь не останавливают. Наоборот – подгоняют, быстрее давай. Бред какой-то..., полный бред. Бесовщина... И ведь что интересно, как только проблемы с финансированием пошли, так и Фёдор, старший сын настоятеля, на стройке появляться перестал. Совпадение?».

Отношения с Федей, как и с Лысым, у Егора поначалу не заладились. Уж больно высокомерный, уж больно уверенный в себе, spolна познавший жизнь, в свои чуть за двадцать, молодой человек. Этакий судия, который точно знает как надо и не терпит возражений. Да и папа не абы кто, а целый настоятель, старший приходской чин – надо соответствовать...

И только со временем Егор понял, что никакое это не жизненное кредо только что оперившегося, но всё ещё зелёного юнца, успевшего, однако, жениться и родить дочь – а просто маска. Обыкновенная защита очень ранимой души от суровой повседневной действительности. В которой не с кем поговорить, в которой не с кем посоветоваться и в которой некому тебе утереть нос, когда уже совсем плохо – и отец постоянно занят, и матушка, в бесконечных менеджерских разъездах по делам успешно развивающейся фирмы – должен же хоть кто-то семью кормить.

А самостоятельно Фёдор ни свою семейную жизнь, ни хоть какую-нибудь профессиональную карьеру, с прослеживаемой перспективой развития, построить не мог, расшвыривая щедро отпущенные ему Богом таланты в разные стороны без всякой пользы. Вот маску и надел от растерянности....

Когда последнее пустое ведро, коротко брякнув, опустилось на заснеженный бетонный пол и бригада потихоньку потянулась к бытовке, греться в ожидании зарплаты, подъехал к вагончику, гляди-ка ты, и Фёдор.

– О, какие люди в наши пенаты. – С «радостной» злостью в голосе закричал Егор издалека. Он прекрасно понимал, что Федя в их проблемах ни сном, ни духом, но удержаться не смог. – А ты чего прип... приехал? Разделить с нами горечь расставания с мужиками?

– Егор Геннадьевич, это вы о чём? – Фёдор каким-то шестым чувством понял, что отвечать сейчас Егору в таком же тоне не стоит, а ведь мог бы....

– Это я о том, мой юный друг, что мы сегодня последний день работаем. Низкий поклон Юленьке с куратором....

Федя вполне себе так искренне помрачнел:

– Не зря её на приходе терпеть не могут.... Лезет постоянно, куда не просят. А что, денег так и не дали?

– Вопрос этот, Федя, на сегодняшний день является риторическим. – Развёл Егор руками. – Или ты думаешь, что мужики от нечего делать себе другую работу нашли? Ладно, «колись» давай, по лицу вижу – знаешь что-то.

– Да ничего такого особенного я не знаю..., кроме того, что деньги на зарплату есть. – Бухнул Фёдор и, судя по всему, сразу же об этом пожалел.

– А вот с этого момента поподробней. – Егор зашёл за вагончик и достал из кармана сигареты. Курить на территории запрещено, и это совершенно правильно, но он устал соблюдать правила тогда, когда никто вокруг их не соблюдает. – Ты точно знаешь или тебе кажется, что знаешь?

– Точно.... – Немного помявшись, ответил Федя. – Почему и приехал. Думал, порадуюсь за вас....

– Н-да, дела. – Протянул Егор, крепко затягиваясь. – До радости нам Федь, видишь ли, как до Китая.... Ладно, будем ждать. Делать-то нечего, да уже и не с кем.

***

Факт насколько непреложный, настолько и удивительный: при, казалось бы, полном отсутствии денег..., на водку они всегда находятся. Чего, к сожалению, не скажешь о закуске.

– Ничего, у меня с обеда кусочек хлеба остался, да колбасы немного, хватит занюхать. – Хозяйничал за столом бригадир. – Наливай.... Авось и полегчает немного.

Егор знал, что не полегчает, этап давно пройденный, но сидеть и ждать неизвестно чего просто так, было и вовсе невыносимо.

– Давай..., – Сказал Егор, когда рюмки были наполнены. – За бригаду выпьем, за мужиков. За тех, что ушли и за тех, кто пока ещё с нами....

Где-то к середине первой бутылки вернулся прораб, который, узнав перед обедом о грядущем сокращении штатов, скрипнул зубами, ничего не сказал, сел в машину и уехал, просматривать интернетовские вакансии и обзванивать потенциальных соискателей.

– Пить будешь? – Мрачно спросил Егор. – Ты уж извини..., мы сухой закон на сегодня отменили.

Володя понимающе махнул рукой:

– Пить не буду, за рулём.... – Почесал, привычно, лысеющую голову. – Ну что..., обзвонил с десятков конкурсантов, пока глухо. Нормальные каменщики отказываются, а «ненормальные» нам и самим не нужны. Ничего, дальше ис-

кать буду.... Вы сильно-то на выпивку не налегайте, образуется всё, в первый раз что ли?

– Что образуется..., когда...? – Вскинулся, было, уже порядком захмелевший Бригадир, но Егор его остановил:

– Нормально всё будет.... Володь, не переживай, сейчас пойдём, проветримся....

Покурить, всё-таки, вышли за ограду. Как бы тяжело не было, а приличия, хотя бы для самих себя, соблюдать нужно.

Не успели по первому кругу затянуться, как к воротам подъехал настоятель, на бежевом своём Лексусе. Жена подарила.... Почему бы и нет, если возможность имеет.

Увидев Егора с мужиками, остановился, опустил окно. Егор отвернулся.

– Егор, можешь подойти?

Голос уверенный и весёлый. Подошёл, скрепя сердце.

– Бастуете? – Жизнерадостно спросил отец Иоанн.

– Это у нас, батюшка, не забастовка. Это у нас, батюшка, проводы. Два каменщика сегодня ушли, так что работать всё равно некому.

– Нут ка, присядь. – Похлопал по сиденью рядом с собой настоятель. – В ногах правды нет. Да и чего мы с тобой через окно будем разговаривать?

Егор редко проявлял своё упрямство и в других упрямства не любил, но сегодня был не тот случай. Столько всего накопилось....:

– Спасибо, конечно, батюшка, но я постою. Как бы вам машину не испачкать.... Да и перегаром от меня за версту.

Отец Иоанн не обиделся:

– Ну что ты так переживаешь? Что, на обычной стройке вам деньги не задерживали?

– На обычной – задерживали. – Согласился Егор. – Но это на обычной.... Там это..., не то, чтобы в порядке вещей, но там к этому морально готов всегда. Начальство – оно тоже человек, выгоды сначала для себя ищет.... Здесь другое.... Да и в деньгах разве дело? Взять Юлю....

– Опять ты про неё? Как ты не поймёшь.... Она же для пользы дела....

– Батюшка. – Перебил Егор настоятеля. – Давайте мы сейчас об этом разговаривать не будем. Здесь трезвая голова нужна, не то я вам с пьяных глаз такого наговорю....

– Ладно..., наговорит он. – Добродушно проворчал отец Иоанн. – Телефон мой у тебя есть? Нет? В свечной лавке возьми, тебе дадут.

Он помолчал немного, и стало слышно, как сыто урчит ухоженный «зверь» под капотом элитной машины.

– Не хотелось бы тебя терять.... И В.Н., спонсор наш, от тебя в восторге, и сын все уши прожужжал: Егор Геннадьевич, Егор.... С деньгами совсем плохо?

Егор молча кивнул.

– Хочешь, тебе выдам? Лично тебе?

– Нет, батюшка, не хочу. Вместе со всеми получать бу-

ду....

– Ну, не знаю..., может водки дать? У меня ящик вон в багажнике, с полигона от военных остался, сам-то я не пью....

Но Егор отказался и от водки: «Мы, батюшка, на свои пить привыкли, извиняйте».

– Ну, нет, так нет. Позвони мне завтра. А лучше, приезжай, поговорим после службы....

Денег в этот день так и не дали, несмотря на все обещания. Володя, вечером перед отъездом, ссудил Егору с бригадиром ещё тысячу, на которую взяли ещё водки. Русские, однако.... На душе было гадко.

***

Обычно для того, чтобы добраться до работы, Егор шёл на электричку, через три остановки пересаживался на трамвай и ещё минут через десять прибывал на место. Хотя и с пересадкой, а всё равно быстро получалось. И ворота церковные чуть ли не напротив остановки. Домой, соответственно, в обратном порядке....

Но в этот вечер, всё до кучи – трамваи не ходили. То ли обрыв по линии, то ли авария очередная, с какой-нибудь зазевавшейся леди на одном из многочисленных городских перекрёстков, дело обычное.

На городском такси или автобусе – не вариант. Прямых маршрутов до дома нет, а с пересадкой.... Маршрутка в час

пик – это вам не электричка, выйти захочешь, выпихнут, а вот в другую втиснуться.... Большая проблема. Да и не в том состоянии был сейчас Егор, чтобы муниципальный транспорт на остановках штурмовать....

Поэтому домой он пошёл пешком. Каких-нибудь десять-двенадцать километров напрямки по лёгкому морозцу.... Оно и подумать надо было Егору, крепко подумать, как быть дальше, а пешая прогулка немало должна была этому поспособствовать.

«Главное дойти. – Подумал Егор, счастливо миновав забитую народом остановку и никого не задев. – А почему бы и не дойти? Всегда доходил..., и сегодня дойду. Чего тут идти-то. Ладно бы выпили..., там, а выпили-то..., всего.... Стоп».

Егор остановился, глубоко вздохнул, тряхнул головой и, собравшись с силами, двинулся дальше.

«Плохо всё....

И что напился плохо, и что понимание происходящего утратил, и веру в людей.... Да ладно люди, в широком смысле этого слова, им многое простить можно, не ведают, что творят.... Но единовѣрцы-то? С ними-то как? Как Юлю понять? Как понять то, что она делает? Как ей объяснить, что так нельзя. Если действительно строительству помочь хочешь, так со строителями поговори сначала, обстоятельства все выясни, условия.... Собери все заинтересованные в благополучном окончании строительства стороны на одной пло-

щадке, узнай проблемы каждой из сторон, попытайся найти точки соприкосновения... Господи, о чём я? Какие точки? Она же нас в упор не видит с высоты своего положения... А какого такого положения? Вот какое у неё положение? Кто она такая?»

Егор снова остановился, с небольшим заносом, покачнулся и вопросительно посмотрел на ближайший фонарь. Фонарь явно никакого понятия не имел, кто такая Юля.

«Вот, не только я в недоумении. – Пожал плечами Егор и пошагал дальше. – Ну, ладно Юля, Бог с ней... Молодая..., ни семьи, ни детей, ни опыта... Но настоятель-то куда смотрит? Ты-то куда...? С документами она тебе помогает, с бухгалтерией? Так и пускай себе сидит, бумажки перелистывает... К строительству-то ты её зачем допустил? Ведь всё теперь наперекосяк. Столько построили без всяких Юль и кураторов, а только пришли они – стройка практически встала. Теперь-то кто строить будет? Она?»

Егор некрасиво оскалился и хохотнул, представив Юлю с кельмой в одной руке и с кирпичом в другой. Впереди идущая парочка шаркнулась в проулок, но Егор этого не заметил.

«От действующего Храма до стройки ста метров не будет. Ты сколько раз у нас появлялся? Раза два, ну три в месяц. Это нормально? А со строителями разговаривал? Хотя бы раз? Да, люди в бригаде разные, кто-то и по тюрьмам помыкаться успел, кто-то и сейчас на грани балансирует... Но

ведь люди же. Где, как не в Церкви им правильную дорогу найти? А они что находят? В лучшем случае безразличие.... Ага, светофор, тут поаккуратней надо».

Собрав остатки трезвости, Егор перешёл сначала на одну сторону перекрёстка, дождавшись зелёного огонька, затем на другую, выводя своё уже не очень послушное тело на финишную к дому прямую, расстоянием километров в семь. Пошёл снег и пронсящиеся мимо машины тащили его за собой длинным шлейфом сбившихся в огромную стаю белых мошек.

«Плохо всё....

Не могу понять.... А почему ты не можешь понять? Может потому, что о себе только думаешь? О своих переживаниях? О том, что мешают, так или иначе, тебе..., именно тебе, в конечном счёте, «твой» Храм достроить? Кто тебе не даёт спрятать свою гордыню и с Юлей поговорить? Попытаться до неё достучаться раз, другой, третий? Попытавшись понять её показать, как можно понять других. Бесполезно? А ты пробовал? Ведь проще всего поставить на человеке клеймо и вычеркнуть из своей жизни.... Нет человека, нет проблемы?

Какая глубокая мысль? Надо бы записать...».

Егор, на ходу, расстегнул тёплую куртку на синтипоне, обшарил карманы, но ни ручки, ни, хотя бы, клочка бумаги не нашёл.

«Обидно будет за обездоленное человечество, если забу-

ду.... Что забуду? О чём это я...? Плохо всё....

Вот и настоятель.... А что настоятель? Что ты знаешь о его жизни, о его служении? Священник в третьем или четвёртом поколении.... Это ведь совершенно другой мир.... Со своими ошибками и проблемами, которые с годами только накапливаются, со своими устоями.... А ты-то видишь уже итог, не имея никакого представления, что за этим итогом стоит.

Мало внимания строителям уделяет? А шефство над батальоном спецназа? А окормление женской исправительной колонии? А службы, отчёты, указы епархиальные, которые нужно исполнить, кровь из носу..., и кто его знает, сколько всего ещё? А разве мало он для прихода делает? Даже зоопарк небольшой для детей организовал. Да и Храма бы никакого не было, если бы не отец Иоанн. А ты.... Ты-то сам кто такой и какое право имеешь других учить жизни? Что ты сам о ней знаешь? Кому ты сам помог? Кого спас, кого согрел...? Плохо всё....

Но будет ещё хуже, если стройку закроют.... Это ведь теперь мой дом. Церковь..., служащие, прихожане..., Христос. И если я не смогу достроить, если не справлюсь – мне-то потом, куда идти? Мне потом что делать?

А ведь Храм – дом не только для меня.... Для многих и многих других людей Церковь тоже является домом. Значит, я должен....

Нет, не так. МЫ ДОЛЖНЫ – договариваться, любить, верить и вместе строить дом.... Наш дом, без которого и смыс-

ла-то в жизни никакого нет....».

Впереди, по ходу движения, показался Кировский мост. Когда-то здесь текла река, выедавая податливую почву и проваливаясь, со временем, всё дальше и дальше вглубь земли. Теперь – глубокий лог, с ручейком на дне, густо застроенный частным сектором. В самом начале моста, связавшего две стороны лога, куча снега, счищенного с проезжей части и столкнутого на обочину. Чем не скамейка для уставшего от долгого пути, истерзанного внутренней борьбой, да ещё и нетрезвого прохожего? Егор плюхнулся в снег и достал из кармана сигареты....

«Всё это слова..., одни слова: «мы», «долг», «любовь к ближнему...». Ведь недаром же говорят, что большие города злы и безжалостны, а население мегаполисов настолько атомизировано, что нет ему никакого дела до отдельно взятой его единицы. Особенно когда она, эта «единица», – Егор горько усмехнулся, – хорошо «подшофе», сидит в сугробе и курит, подставив мокрое лицо падающим с ночного неба снежинкам. От меня не то, что человек сейчас, Ангел Хранитель, и тот, наверное, отвернулся бы...».

Перед Егором, за небольшим отбойником, который отделил проезжую часть моста от пешеходного тротуара, остановился джип, опустилось боковое окно, выпустив из салона нагретый воздух:

– Эй..., ты как там, живой? Помощь не нужна?

Егор, поначалу, даже не понял, что обращаются к нему. Шевельнулся в углублении сугроба, пытаясь оглядеться, и только вспомнив, что за высокими мостовыми поручнями глубокая пустота...:

– Живой, живой, добрый ты человек....

– Давай до дому подвезу. Тебе куда?

– Спасибо, сам дойду, должен прийти.... Езжайте.

А потом молодая девушка, не побоялась ведь, не побрезговала подойти:

– Мужчина, вам плохо?

– Мне хорошо.... – Защицало у Егора в глазах. Да что же это...? Пигалица совсем, а и та мимо не прошла. – Спасибо....

Потом женщина, потом паренёк, в натянутой на уши вязаной шапочке и с небольшим рюкзачком за спиной. Пробежал было мимо, бросив на ходу: «Вставай, вставай, замёрзнешь», но метров через тридцать оглянулся.... Егор уже поднялся, отряхнулся от снега и переводил дух, опершись локтями о перила моста, когда паренёк снова подошёл к нему:

– Точно помощь не требуется? Давай, доведу до дома?

– Спасибо вам..., замечательные вы мои люди. Большую часть пути к своему дому я уже прошёл. И остальную пройти должен.... Да не оставит вас Ангел Хранитель на путях ваших, как не оставил он меня!

«Вот ведь..., а ты? Где вера-то твоя? Давай-ка, собирайся с силами и вперёд. Шаг за шагом, потихоньку, но только

вперёд. Нужно дойти, иначе..., зачем всё это? И не забудь завтра настоятелю позвонить..., а лучше сам в Церковь езжай. Вам с ним много чего обсудить нужно будет».

Егор оттолкнулся от перил, расправил плечи и зашагал по заснеженной, скользкой и ухабистой дороге.... Дороге – которая вела домой.

19.11.2016 года.

Новосибирск.